

**ВЛАСТЬ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В 1985–1987 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье анализируется советская государственно-конфессиональная политика в отношении Русской православной церкви в России в 1985–1987 гг.

Ключевые слова: СССР, Россия, государственно-конфессиональная политика, Русская православная церковь, «перестройка».

Государственно-конфессиональная политика 1985–1987 гг. в основном продолжала тенденции периода Л.И. Брежнева и последующих руководителей СССР и была ориентирована на тотальный контроль государственно-партийного аппарата за деятельностью конфессий. Курс М.С. Горбачева – курс на «перестройку» – первоначально не означал отказа от фундаментальных принципов социализма, в том числе и по отношению к религии. Религиозное мировоззрение, как и раньше, расценивалось как предрассудок, актуальными объявлялись задачи по активизации атеистической работы.

Но отдельные сдвиги в сторону либерализации отношения к религии все же прослеживались. Политическое руководство страны в поисках новой идейной опоры обращается к традиционным духовным ценностям, в том числе и религиозным, стремясь заручиться широкой поддержкой курса «перестройки» со стороны РПЦ и верующих. После апрельского пленума ЦК КПСС 1985 г. был ускорен механизм регистрации религиозных объединений, религиозные общины получили право на строительство и приобретение зданий для своих нужд, был снят запрет на церковный колокольный звон и т. д. [3, с. 7]. В контексте ротации партийно-государственного аппарата на пост председателя Совета по делам религий назначают К.М. Харчева, сменившего на этом посту В.А. Куроедова.

Благодаря «гласности» в обществе начинается переосмысление советской истории. В центре общественного внимания оказались политические репрессии сталинского периода, в том числе в отношении верующих. Средства массовой информации активно способствовали складыванию нового отношения к РПЦ и другим конфессиям, к их роли в обществе и государстве.

В 1987 г. состоялась встреча председателя Совета по делам религий К.М. Харчева с архиереями РПЦ, на которой была узаконена отмена многих хрущевских ограничений [3, с. 186–187]. В этом же году была объявлена амнистия, по которой освобождение коснулось и граждан, осужденных в свое время за религиозную деятельность.

По мнению М.И. Одинцова, «в середине 80-х годов XX столетия все – и власть, и нарождавшаяся оппозиция – отчетливо осознавали, что “просыпающееся” общество, и прежде всего огромная его верующая часть, заставит привести в реальное соответствие с его потребностями параметры всех видов религиозных объединений.

* © Мельниченко О.В., 2011

Мельниченко Олег Владимирович (dnskvale@rambler.ru), кафедра истории Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, 440028, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Титова, 28.

С точки зрения разрешения данной проблемы политическими средствами это означало, что в выигрыше окажутся те политические силы, которые, во-первых, быстрее осознают значимость «религиозного вопроса» в новых условиях и, во-вторых, точнее сформулируют и предложат практические механизмы удовлетворения религиозных потребностей верующих граждан» [4, с. 140].

Однако процесс деидеологизации в стране шел очень неровно, у советского руководства не было четкой программы и вообще понимания демократизации страны. Контакты государства и конфессиональных объединений, в том числе православных, часто имели спонтанный характер, находились под воздействием конъюнктурных политических ситуаций и иногда личностных интересов.

На местах уполномоченные Совета по делам религий активно продолжали свою деятельность в прежнем формате. Так, уполномоченный Совета А.С. Васягин докладывал в столицу: «Руководствуясь решениями XXVII съезда КПСС... в Пензенской области принимались определенные меры, направленные на повышение эффективности контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах, последовательным осуществлением конституционного принципа свободы совести» [1, д. 125, л. 1].

Заметно активизировалась деятельность комиссий содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах. Причем регламентирующие функции комиссии распространялись практически на все сферы функционирования религиозных объединений. Например, комиссия содействия при Кузнецком горисполкоме выделяла следующие «участки работы» для себя: контроль за проповеднической и финансово-хозяйственной деятельностью общины, соблюдением общественного порядка на религиозных праздниках, предотвращением влияния религиозной пропаганды на детей и молодежь; проверка соблюдения санитарных правил при совершении религиозных обрядов, санитарного состояния прицерковных территорий и помещений; изучение контингента посещавших церковь и т. д. Хотя требование предоставления паспортов родителями при крещении несовершеннолетних детей уже было отменено, члены кузнецкой комиссии «проводили выборочную проверку квитанций на предмет подлинности подписей, проводили беседы с супружескими парами, совершившими обряд» [1, д. 123, л. 136–137].

Анализируя данные по обряду крещения детей в 1986 г., пензенский уполномоченный делает закономерный вывод: «В течение года в церквях области побывало свыше 32 тысяч молодых родителей и воспитанников, имевших достаточно высокий уровень культуры и образовательного ценза. Это наводит на мысль, что не идет ли процесс формирования нового, активного социального слоя верующих, вера которых вполне осознанна?» [1, д. 125, л. 24]. При этом он подчеркивал, что среди верующих стало гораздо больше рабочей и учащейся молодежи, интеллигенции.

Как и раньше, в области проводилась серьезная работа по вытеснению из советского быта религиозных праздников и обрядов. Уже традиционными для региона стали праздники «Серпа и молота», «Проводы и встреча русской зимы» и т. д. В рабочих коллективах «повсеместно нашли распространение различные советские обряды и ритуалы, повышается их эмоциональная и воспитательная роль... Несомненно, они несут определенную атеистическую нагрузку и имеют большое значение в деле формирования у людей научно-материалистического мировоззрения», — отмечал уполномоченный Совета по Пензенской области [1, д. 125, л. 24–25].

Изменения в государственно-конфессиональной политике в первые годы «перестройки» многие верующие, да и само духовенство, воспринимали во многом с недоверием, расценивая эти «импровизации» власти в отношении РПЦ как временные послабления, обусловленные непрочностью положения нового партийно-государственного руководства. Пензенские служители православного культа постоянно подчер-

квивали свою лояльность в отношении властей и их курса. Так, священник церкви г. Кузнецка Пензенской области А.В. Судаков в одной из своих проповедей говорил: «В нашей стране идет процесс перестройки во всех областях жизни, и мы, верующие, обязаны самым активным образом принимать участие в этой работе. Из молитв мы должны выбросить все то, что не соответствует сегодняшнему дню...» [1, д. 123, л. 6–7].

Верующие связывали уступки со стороны государства и с приближением юбилея 1000-летия Крещения Руси. Кстати, наблюдение за подготовкой православных общин Пензенской области к празднованию юбилея было выделено в отдельное направление деятельности уполномоченного Совета в регионе: «Особое внимание обращалось на изучение процессов, тенденций, намечаемых мероприятий православными религиозными организациями в связи с 1000-летием введения христианства на Руси» [1, д. 125, л. 2]. А.С. Васягин фиксировал, что «в проповедях все чаще звучит тема празднования 1000-летия введения христианства на Руси и значения этого события в распространении культуры, искусства, письменности среди русского народа» [1, д. 123, л. 19].

В ноябре 1986 г. Советом Министров РСФСР был образован собственный орган за надзором в религиозной сфере во главе с Л.Ф. Колесниковым – Совет по делам религий РСФСР. Потребность в нем объяснялась «сложностью религиозной ситуации, многонациональным составом республики, многообразием действующих религиозных организаций, появлением так называемых новых культов и движений, потребностью профессионального анализа процессов, происходящих в религиозной сфере, и выработки практических предложений для центральных и местных органов власти в их вероисповедной политике» [2, д. 13, л. 3]. По мнению некоторых уполномоченных, союзный и республиканский советы во многом дублировали друг друга. Так, пензенский уполномоченный, не мудрствуя лукаво, на своих информационных отчетах в качестве адресата писал просто: «Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Совет по делам религий при Совете Министров РСФСР» – и отправлял данный документ в две вышестоящие инстанции [1, д. 125, л. 1].

В целом отношения между властями и православными объединениями в Пензенской области характеризовались неконфликтностью и своего рода солидарностью. Во многом это объяснялось позицией главы Пензенской епархии епископа Серафима, о котором уполномоченный Совета писал: «В процессе работы с ним сложились нормальные взаимоотношения, что позволяет быстро решать возникающие практические вопросы. В общении с уполномоченным Совета вежлив, обходителен. В большинстве случаев прислушивается к просьбам, предложениям и стремится быстро их выполнить. В принимаемых решениях не выходит за рамки законодательства о культурах. Как правило, о принимаемых решениях ставит в известность уполномоченного Совета» [1, д. 125, л. 8].

В контексте общей либерализации государственно-церковных отношений уполномоченный по Пензенской области в 1985 г. ходатайствовал перед председателем Совета по делам религий К.М. Харчевым «помочь Пензенскому Епархиальному управлению приобрести легковую автомашину, т. к. машина марки “Волга–21” ... в настоящее время совсем вышла из строя и стала непригодна пользоваться ей». Особо подчеркивалось, что «управляющий епархией Серафим правильно строит взаимоотношения с уполномоченным, лоялен, активно участвует в миротворческой и патриотической деятельности» [1, д. 123, л. 143]. Машина «ВАЗ–21–063» действительно была выделена в соответствии с планом продажи через розничную торговлю служителям культа религиозных организаций (правда, в 1988 г.) [1, д. 123, л. 151].

Итак, в первые годы «перестройки» были сформулированы новые приоритетные цели в сфере конфессиональной политики государства, цементировался фундамент для принципиально новых государственно-конфессиональных отношений. На их основе планировалось заручиться широкой поддержкой курса на «перестройку» со стороны Русской православной церкви и верующих. Но инерция и консерватизм, противоборство в самом государственно-партийном руководстве по поводу задач и способов реформирования не позволили быстро и мобильно приступить к выработке принципиально новой платформы во взаимоотношениях между РПЦ, обществом и государством.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 2392. Оп. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-661. Оп. 1.
3. Журнал Московской Патриархии. 1989. № 5. С. 7–8.
4. Одинцов М.И. На переломе эпох: государство и религиозные объединения в СССР. 1985–1990 гг. // Права человека в России и за рубежом: материалы Второй Международной научно-практической конференции «Правовые средства обеспечения и защиты прав человека: российский и зарубежный опыт». М.: МНЭПУ, 2009. 312 с.

*O.V. Melnichenko**

THE POWER AND RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1985–1987 (ON THE MATERIALS OF PENZA REGION)

In the article the Soviet state-confessional policy concerning Russian Orthodox Church in Russia in 1985–1987 is analyzed.

Key words: USSR, Russia, state-confessional policy, Russian Orthodox Church, «reorganization».

* *Melnichenko Oleg Vladimirovich (dnskvale@rambler.ru)*, the Dept. of History, Penza State University of Architecture and Building, Penza, 440028, Russian Federation.